Восточная панорама

Актуальный бюллетень Лаборатории востоковедения

ШАГИ РАНХиГС

№2 (апрель-июнь 2017)

Содержание

От редакции 2

Е. Л. Никитенко. Репатриация иранских древностей: археология, политика и национальная идея в Иране 3

О. И. Лебедева. Историческая память в Японии: помнить нельзя забыть?.....10

Л. С. Холкина. WannaCry, Гугл-переводчик и китайский язык: взгляд лингвиста 16

От редакции

Во втором номере ежеквартального Бюллетеня лаборатории востоковедения ШАГИ РАНХиГС мы, как и прежде, представляем вниманию читателей ряд материалов, посвященных актуальным вопросам культурного и социологического характера на стыке традиции и современности.

Статья Евгении Никитенко посвящена процессу возвращения в Иран артефактов доисламской культуры, который свидетельствует о том, что правительство взяло курс на «иранизацию ислама», видя альтернативу религиозному фундаментализму.

Ольга Лебедева пишет об исторической памяти и особенностях коммеморативных практик в Японии XX–XXI веков и тех проблемах, которые возникают в обществе в связи с непроработанностью травматических сюжетов истории.

Наконец, в связи с недавней вирусной атакой WannaCry, затронувшей компьютеры пользователей по всему миру, Лилия Холкина анализирует тексты сообщений вируса с лингвистической точки зрения, подтверждая гипотезу о том, что родным языком хакеров может быть вариант китайского языка, распространенный в южной Азии.

Е.Л. Никитенко
научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС, канд. ист. наук

Репатриация иранских древностей. Археология, политика и национальная идея в Иране

6 февраля 2017 г. в Национальном музее Ирана открылась «Выставка коллекции возвращенных объектов культурного и исторического наследия: достижения культурной дипломатии», приуроченная к 38-й годовщине победы Исламской революции. На выставке были представлены артефакты из четырех партий объектов культурного наследия, которые удалось вернуть в страну из Бельгии, Италии, Великобритании и США в 2014–16 гг., в течение первого срока президентства Хасана Рухани. В Иране возврат артефактов воспринимается как очередной дипломатический успех «Правительства предусмотрительности и надежды» – правительства Рухани, – и как залог дальнейшего улучшения отношений с Западом.

Первая партия – 349 керамических сосудов – отправилась в Иран из Бельгии в конце декабря 2014 г., после многолетней тяжбы Ирана с Иоландой Вольфкариус-Малеки, вдовой бывшего личного врача иранского шаха, и ее наследниками. Сосуды, датируемые 1300–800 гг. до н.э., были законно куплены г-жой Вольфкариус или добыты в ходе организованных ею раскопок в местечке Хурвин в Иране. Однако за разрешением на вывоз из страны г-жа Вольфкаирус не обращалась, и археологические находки покинули Иран в 1960-е гг. в багаже бельгийского дипломата. В 1981 г. Иран инициировал дело о возвращении артефактов в страну, но добиться успеха удалось только при правительстве Рухани.

Вторая партия возвращенных при Рухани археологических находок – это 108 объектов из городища Чога-Миш в провинции Хузестан, датируемого концом шестого – концом четвертого тысячелетия до н.э. Артефакты находились во временном пользовании Института востоковедения Чикагского университета, специалисты которого проводили раскопки в 1960–1970-х гг. В конце апреля 2015 г. предметы из Чога-Миш были возвращены в Иран и переданы Организации по культурному наследию.

Почтовая марка: Персеполис. 1960-е гг.

Третья партия состоит из 30 артефактов, относящихся к доисторический, парфянской и сасанидской эпохам, а также к средним векам. Эти объекты находились в частной коллекции, были изъяты Подразделением карабинеров по охране культурного наследия как незаконно вывезенные из

страны происхождения и переданы итальянским правительством в Посольство Ирана в Риме осенью 2016 г. Возврат ценностей был осуществлен в соответствии с конвенцией 1995 г. Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), согласно которой покупатель предметов искусства, незаконно вывезенных из страны происхождения, обязан вернуть их по требованию этой страны, даже если на момент покупки он не знал об их незаконном вывозе.

Четвертая партия включает в себя 73 глиняных оттиска печатей периода правления династии Сасанидов. Эти артефакты были изъяты при попытке незаконного ввоза на территорию США в 2002 г. В мае 2016 г. они были переданы Ирану американским правительством.

Иранские СМИ и ответственные лица преподносят возврат артефактов в страну как результат продуманной дипломатии «Правительства предусмотрительности и надежды» – правительства Рухани. Внимание президента к доисламскому прошлому страны воспринимается населением как показатель открытости и готовности к реформам, умеренности и стремления наладить отношения с Западом. Интерес к иранским древностям говорит о том, что при нынешнем президенте Иран продолжит придерживаться курса на «иранизацию ислама», – единственной альтернативы курса на «исламизацию Ирана» в условиях Исламской Республики.

В Иране отношение к доисламскому прошлому тесно связано с процессом формирования иранской идентичности и национальной идеи. Начало этому процессу было положено в последней четверти XIX в., при Насер ад-Дин-шахе Каджаре (1848–1896), когда представители иранской элиты получили возможность познакомиться с европейской культурой и наукой. В Иран проникла идея национального государства, начался поиск объединяющих будущую нацию факторов. Интерес к археологическим находкам доисламского периода на этом этапе был не более чем данью моде на все западное или способом обогатиться на продаже драгоценных находок. Однако постепенно иранские интеллектуалы и элита начинают видеть в древних артефактах свидетельства былого величия Ирана, которые могут быть использованы в националь-

Музей Древнего Ирана.

ном строительстве.

При последних Каджарах у страны не было ни средств, ни кадров для ведения собственных исследований в области археологии. Как и многие другие области, археология была отдана на откуп представителям «цивилизованных» западных стран.

В 1895 г., при Насер ад-Дин шахе Каджаре, Франция получила концессию на ведение археологических раскопок. В 1900 г. Музаффар ад-Дин шах, находясь в Париже, подписал соглашение, в соответствии с которым все добытые на раскопках в Сузах артефакты могли быть вывезены во Францию при условии, что стоимость золотых и серебряных находок будет компенсирована. Естественным следствием такой установки на вывоз потенциальных музейных экспонатов стало стремление расширить площадь раскопа, как можно быстрее извлечь и вывезти из страны неповрежденные или почти не поврежденные предметы. Количество золотых и серебряных находок послужило стимулом для организации незаконных частных экспедиций «охотников за сокровищами» из числа иранской знати.

Необходимость сохранения древнего наследия и популяризации иранской старины осознавалась небольшой группой энтузиастов во главе с министром просвещения Мортеза-ханом Момтаз ал-Молком. Их усилиями в 1917 г. в Тегеране был создан первый в Иране музей, открытый для широкой публики – Национальный музей. Об уровне компетентности его создателей можно судить по музейному каталогу: он не сообщает об экспонатах никаких сведений, кроме их веса и места происхождения.

В 1920-х гг. с приходом к власти Реза-хана (впоследствии Реза-шаха Пехлеви) иранский национализм становится основным элементом государственной идеологии. В 1922 г. было образовано Общество национального наследия (Anjoman-e āsār-e melli), провозгласившее своей целью привлечение общественного внимания к древней истории и сохранение памятников древности. В программу Общества было включено создание музея и библиотеки. Осуществление этого плана стало возможным через несколько лет.

В 1927 г. Правительство Реза-шаха аннулировало французскую монополию на раскопки. Было создано Главное управление древностей (Edāre-ye koll-e ʻatiqāt), находившееся в ведении Министерства образования, вакфов и художественных ремесел; его первым директором в 1928 г. стал французский археолог и архитектор Андре Годар. По инициативе Годара началась регистрация археологических памятников. Ему же было поручено создание и проектирование первого современного иранского музея – Музея Древнего Ирана (Muze-ye Irān-e

Празднование 2500-летия Персидской империи в Персеполисе.

bāstān). Музей открылся в 1936 г. в новом современном здании, внешний облик которого был вдохновлен сасанидским дворцом Таки-Кисра в Ктесифоне; первым директором музея стал все тот же Андре Годар.

Реза-шах и Мохаммад-Реза Пехлеви в Персеполисе.

Династия Пехлеви стремилась представить Иран как современное секулярное национальное государство. Новой иранской нации было предложено искать корни своей национальной идентичности именно в доисламском прошлом страны. После ликвидации французской монополии на ведение раскопок в Иране было организовано несколько экспедиций из других западных стран, прежде всего США. В 1931 г. начались масштабные раскопки в Персеполисе (иранский вариант называния – Тахт-е Джамшид). Работы проводились при участии Чикагского университета и при частичной финансовой поддержке Дж. Рокфеллера, однако уже в 1939 г. Персеполис был передан в ведение Главного управления древностей, и с этого времени археологическими экспедициями руководили исключительно иранские специалисты. Реза-шах четырежды посещал место раскопок, и не без его личного участия Персеполис был выбран главным символом иранского величия. В 1971 г., уже при Мохаммаде-Реза Пехлеви, именно здесь прошла основная часть торжеств в честь 2500-летия Персидской империи, отмеченного с необычайным размахом.

Пик деятельности археологов в Иране пришелся на 1958–78 гг. Помимо специалистов из США и Франции, в страну прибыли археологические экспедиции из Великобритании, Японии, Италии, ФРГ, Дании, Бельгии, Канады, Австрии. Активно велась и подготовка собственных специалистов: в Тегеранском университете открылся набор на специальность «археология», в 1970-х был основан Иранский центр археологических исследований.

В первые годы после победы исламской революции 1979 г. государственная идеология Ирана декларировала отказ от западных концептов, в том числе от идеи государства-нации. Населению – угнетенным мусульманам-шиитам – предлагалось объединиться в борьбе с империализмом. Были проведены масштабные кадровые чистки среди со-

Президент Хасан Рухани в Национальном музее Ирана.

трудников системы высшего образования, переписаны учебники. В первые годы Исламской Республики отношение государства к археологии было строго негативным: она воспринималась как навязанная Западом наука, направленная на легитимацию шахского деспотизма.

До начала 1990-х гг. в области археологии наблюдался спад, обусловленный как расформированием или преобразованием учреждений, отвечавших за учебную и научную деятельность в этой области, так и общим кризисом в стране и ирано-иракской войной 1980–88 гг. Однако еще в 1986 г. при Министерстве культуры и высшего образования была создана Организация по культурному наследию, сыгравшая в дальнейшем большую роль в «воскрешении» археологии в Иране.

Послевоенный период стал для иранской археологии периодом восстановления. В это же время происходила эволюция государственной идеологии: на смену сторонникам «исламского Ирана» приходили сторонники «иранского ислама». В 1990-е гг. были возобновлены раскопки на ряде объектов, созданы новые программы по археологии в высших учебных заведениях, появились специализированные археологические журналы. Иранские ученые получили возможность возобновить сотрудничество с рядом зарубежных учреждений.

В годы президентства Мохаммада Хатами (1997–2005) был провозглашен лозунг «диалога цивилизаций», что подразумевало расширение культурного сотрудничества со странами Запада. В области идеологии происходила все большая «национализация» шиитского ислама, было признано значение доисламского иранского наследия в формировании иранской идентичности. Государство осознало возможность получения прибыли от инвестиций в археологические памятники: в 2004 г. Организация по культурному наследию была преобразована в Организацию по культурному наследию и туризму, началась активная популяризация доисламского иранского наследия в СМИ.

В 1999–2000 учебном году в университете Тарбиат-е Модаррес открылась докторская программа по археологии. Одним из важнейших аргументов в пользу запуска этой программы стала необходимость подготовки собственных специалистов, которые могли бы предотвратить вывоз археологических находок из Ирана. В этот же период активизируются попытки вернуть вывезенные при шахе артефакты.

Президентство Махмуда Ахмадинежада было воспринято либерально настроенной частью иранского общества как шаг назад, к изоляционизму первых лет существования Исламской Республики. Для иранской археологии этот период ознаменовался осложнением контактов с западными специалистами и институтами.

Хасан Рухани, недавно переизбранный на второй срок протеже М. Хатами, позиционирует себя как реформист, умелый дипломат и противник конфронтации с Западом. Одним из важнейших дипломатических успехов правительства Рухани считается заключение ядерной сделки с «шестеркой» (странами-членами Совбеза ООН и Германией) – принятие соглашения по ограничению иранской ядерной программы в обмен на частичное снятие санкций. Как параллель этому политическому достиже-

Таки-Кисра, сасанидский дворец.

нию пропрезидентские иранские СМИ преподносят возвращение в страну археологических артефактов – достижение «культурной дипломатии» Рухани.

В связи с резкими высказываниями нового президента США Дональда Трампа о ядерной сделке с Исламской Республикой иранские СМИ выражают свою обеспокоенность дальнейшим развитием ситуации. Их озабоченность переносится и в сферу «культурной дипломатии», иранские СМИ выражают сомнение в возможности дальнейших успехов в этой области.

В этой связи будет интересно проследить за финальной стадией развития дела «Рубин против Исламской Республики Иран», которое должно решить судьбу ахеменидских табличек с клинописными надписями, находящимися в пользовании Чикагского университета. Глиняные таблички ахеменидского периода, найденные в 1930-х гг. в Персеполисе, были тогда же переданы в Восточный институт Чикагского университета для изучения и последующего возвращения Ирану. Значительная часть табличек вернулась в страну еще при монархии. В годы президентства Мохаммада Хатами Ирану удалось восстановить отношения с Университетом и начать процесс переговоров о возврате артефактов. Стороны, однако, столкнулись с препятствием: в 2003 г. несколько граждан США, пострадавших в результате взрыва террориста-смертника Хамас на улице Бен Йехуда в Иерусалиме в 1997 году, выиграли в США дело о взыскании компенсации с Исламской Республики Иран как государства-спонсора терроризма. Средства для выплаты компенсации было решено получить путем продажи ахеменидских табличек с аукциона. Чикагский университет встал на сторону Ирана, ситуация также послужила объединяющим фактором для иранцев вне зависимости от их места проживания и политических взглядов. Так, о недопустимости продажи артефактов с аукциона высказалась Фарах Пехлеви, вдова последнего шаха Ирана. Окончательное решение по делу ожидается в ближайшие месяцы.

- Ancient artifacts repatriated from West on display in Tehran // PressTV, 9.02.2017

Литература по теме

- Culture and Cultural Politics under Reza Shah: The Pahlavi State, New Bourgeoisie and the Creation of a Modern Society in Iran. Bianca Devos, Christoph Werner. Routledge, 2013.
- Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology: The Case Study of Iran. Rana Daroogheh-Nokhodcheri. Durham theses, Durham University, 2014.

- The Rise of Islamic Archaeology. Stephen Vernoit // Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World, vol. 14. Leiden: Brill, 1997.
- Nationalism, Politics, and the Development of Archaeology in Iran. Kamyar Abdi // American Journal of Archaeology. Vol. 105, № 1 (Jan. 2001), pp. 51–76.
- A Heritage Threatened: The Persepolis Tablets Lawsuit and the Oriental Institute. Gil J. Stein, Director, Oriental Institute // The Oriental Institute News and Notes. No 192, winter 2007.
- International Cultural Heritage Law. Janet Blake. Oxford University Press, 2015.

О.И. Лебедева
старший научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС, канд. культ.

Историческая память в Японии: помнить нельзя забыть?

Тема исторической памяти в последнее время привлекает внимание как исследователей, так и «практиков» – политиков, журналистов, музейных работников и школьных учителей. В среде профессиональных историков стали классическими работы Яна и Алейды Ассман, посвященные феномену «культурной памяти» и его функционированию в разных социумах, Пьера Нора – о представленности исторической памяти в городском пространстве, Марианны Хирш, которая ввела в употребление термин «постпамять» и обратила внимание на частое противоречие между частной памятью и памятью сообщества, Лутца Нитхаммера, поднимающего вопрос об особенностях формирования памяти о тоталитарном прошлом на примере Германии. В России область исследований общей памяти еще только начинает складываться, и ее терминология зачастую остается непривычной. При этом спекуляции на тему «национальной истории» и «великого прошлого», напротив, уже около десяти лет как стали привычным риторическим приемом в языке власти, поскольку обладают легко осваиваемым мобилизационным потенциалом.

Дискурс, который можно охарактеризовать уже устоявшимся выражением «войны памяти», оказывается наиболее популярным в тех странах, которые в большой степени закрыты от мира и активно занимаются созданием собственных «национальных идеологий». Идеологии формируются часто на основе одобренной государством трактовки «национальной истории» в качестве объединяющего фактора – этот прием возник во второй половине XIX века. Общественный консенсус с трудом достигается по поводу травматических событий – войн, революций, политических репрессий, депортаций, колонизации и др. Травма, которая находится в пределах памяти 3–4 поколений, часто остается на стыке «истории» и непосредственного жизненного опыта. А поскольку в качестве травмы, которая осмысляется в качестве исторического события, никогда не рассматриваются безличные, спонтанные, природные катаклизмы (например, землетрясения, цунами и даже аварии на атомных электростанциях и т.п.), то на первый план выходят категории «жертв» и «виновников». Как пишет Алейда Ассман: «Вина и страдание являются темами, которые сближают историю и память, одновременно обнаруживая их непримиримое противоречие».

Историческая живопись эпохи Мэйдзи. Тоёхара Кунитэру III. «Великая японо-китайская битва при Фэнхуанчен», 1894 г.

Поводом для написания

настоящей заметки послужило заявление владельца крупной японской сети отелей APA Hotels & Resorts Тосио Мотоя, который одновременно является автором псевдоисторических книг, в основном отстаивающих ревизионистский взгляд на японскую агрессию в Азии. Мотоя размещает свои книги в каждом номере своих отелей, и он отдельно объявил, что не собирается убирать их из отелей во время Олимпиады, которая должна пройти в Токио летом 2020 года. В самой Японии, в отличие от Китая и Кореи, эта новость не вызвала большого резонанса – хотя Япония, будучи до сих пор страной относительно закрытой, по многим причинам должна была оказаться площадкой для бурного столкновения по поводу взглядов на недавнее прошлое. Почти полная моноэтничность и монолингвальность, сохраняющаяся, пусть и символически, на протяжении полутора тысяч лет монархия, традиционное для дальневосточных культур внимание к прошлому, недавний опыт военной диктатуры и тоталитаризма, участие во Второй мировой войне на стороне единогласно осужденной мировым сообществом коалиции агрессоров, пережитые атомные бомбардировки – все это факторы, которые могли бы способствовать тому, чтобы осмысление истории страны в XX веке стало поводом для дебатов среди интеллектуальной элиты, а попытка достижения консенсуса относительно прошлого – основой для «национальной идеи». Но этого почти незаметно.

Причины, вероятно, заключаются в следующем. Япония пережила свой бум «историзма» на рубеже XIX–XX веков. В результате преобразований Мэйдзи в середине XIX века в Японии происходят значительные перемены, и под маской «реставрации монархии» начинается построение традиционного для эпохи «национального государства» по западному образцу. Такое классическое национальное государство должно было обладать «национальной историей», и в это время в Японии происходит складывание профессиональной исторической науки, где одним из наиболее влиятельных было «мифотворческое» направление, или, говоря упрощенно, история для школьных учебников и в целом для массового читателя, обосновывающая легитимность императорского рода, а сам институт императорской власти преподносящая как основу для консолидации нации. Отдельные попытки создания историй, подвергающих сомнению синтоистский миф об основании японской государственности, оставались малозамеченным в публичном пространстве или подвергались общественному осуждению. На рубеже веков переживает бум также историческая живопись, призванная наглядно иллюстрировать тезис о древней и великой империи. В это же время происходит складывание канонических базисов гуманитарных дисциплин. Так, например, классикой японской литературы становятся произведения эпохи Хэйан (794–1185), представляющие собой как бы «золотую середину» между серьезной морализаторской литерату-

Ворота тории перед храмом Хэйан-дзингу.

рой на китайском языке (и по причине «чуждого» языка не подходящей в качестве национального символа) и самобытной, просто написанной, но чересчур фривольной городской литературой эпохи Эдо (1602–1867).

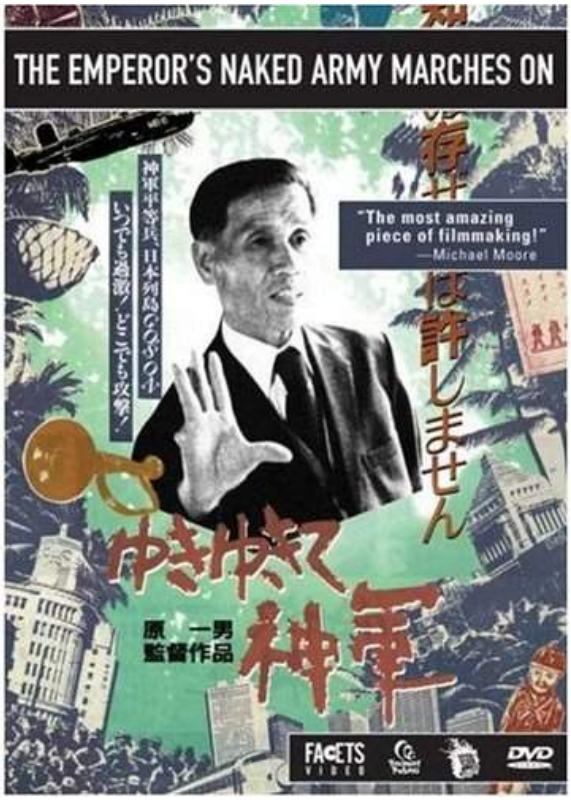
Эпоха Хэйан именно тогда заняла место «эталонной» в японском историческом нарративе: она была выбрана потому, что на этот период пришлось первое «закрытие» страны, ограничение контактов с соседними государствами и, как следствие, некоторое повышение статуса не-китайского культурного пласта. В 1895 г., в честь 1100-летия переезда столицы в Киото, в бывшей императорской столице строится гигантское святилище Хэйан-дзингу. Символично, что в нем заодно размещается основанное в том же году Общество Воинской добродетели Великой Японии *(Дай Ниппон Бутокукай)*.

После окончания Второй мировой войны тема «национальной японской истории», а также древние тексты (такие как, например, синтоистские мифологические своды «Кодзики» и «Нихонсёки») оказываются в опале: исторический дискурс прочно ассоциируется с периодом японского тоталитаризма, ультраправой идеологией, военной агрессией японской империи – со всем тем, что теперь нужно было оставить в прошлом. Разные страны обращаются со своим прошлым по-разному: Япония пошла по пути забвения. В послевоенной Японии приобретают популярность антропология и этнография – науки, которые изучают не «человека в истории», а «человека в быту», вне исторического нарратива. Эти научные направления в довоенный период считались низкожанровыми и недостойными внимания, а значит, не были скомпрометированы связью с японским тоталитаризмом 1930-х. Наиболее влиятельным ученым становится этнолог и фольклорист Янагита Кунио. Этнологический дискурс воцаряется в Японии надолго: на выставке ЭКСПО-70 в Осака экспозиция строится вокруг доисторического прошлого Японского архипелага.

Память о Второй мировой войне, которая на протяжении второй половины XX века остается одним из главных дискуссионных сюжетов, в Японии не стала ни основой для героического мифа, как это произошло в России, ни для проработанного нарратива национального покаяния, как в Германии. Ответственность за японскую агрессию в Азии общепринятая в Японии трактовка событий 1930-х – 1940-х гг. воз-

Мемориал мира в Хиросиме.

лагает на «узурпировавших власть» милитаристов. Непричастным к военным преступлениям остается император Хирохито: как известно, американская оккупационная администрация прислушалась к советам ученых в вопросе о том, что делать с институтом императорской власти в Японии, и антрополог Рут Бенедикт призвала оставить императора в качестве символа нации, чтобы не провоцировать глубокий кризис в японском обществе. Также вне ответственности остается все население в целом – считается, что оно было обмануто группой милитаристов, и, в отличие, например, от дискуссий между сторонниками концепций тоталитаризма и ревизионизма в советологии, здесь альтернативная точка зрения совсем непопулярна. В городах Хиросиме и Нагасаки, разрушенных атомными бомбардировками, созданы мемориалы в память о жертвах, но эта – беспрецедентная – трагедия не стала основой для всепроникающего нарратива о жертвах ни в национальном, ни в мировом масштабе – в отличие, например, от Холокоста, оставаясь на периферии культуры. Вероятно, это связано с тем, что в японском обществе не было сил, готовых начать масштабный разговор о причинах и виновниках событий. Японское общество выбрало, скорее, умолчание и движение вперед без оглядки на травматическое прошлое. Свидетельства участников о Японо-китайской войне, Второй мировой войне, советском плене в публичном и академическом пространстве существуют, но привлекают немного внимания.



Обложка американского DVD-издания фильма «Голая армия императора идет вперед».

В 2015 г. на веб-сайте «Уроки истории» (urokiistorii.ru) была опубликована рецензия на документальный фильм режиссера Кадзуо Хары, постаревший герой которого, Окудзаки, был призван в армию в 1940-х гг., но демонстрировал нетипичное презрение к командованию и даже к императору. Кадзуо Хара говорит: «Я хотел проследить, что осталось от войны в современном японском обществе. Послевоенная демократия началась в 1945-м, в год моего рождения. Но ценности послевоенной демократии все время были под сомнением. Я хотел увидеть, что продолжающаяся война значит для поколения моих родителей, какое влияние она оказывает на современную жизнь. Я хотел увидеть, что изменилось, а что осталось прежним. Военные „организации" продолжают существовать в современной Японии. Нанкинская резня, эксперименты над людьми в подразделении 731 – очень немногие могут говорить на эти темы. Почему? Война окончена, почему мы не можем говорить об этом?»

Герой фильма Хары, которого в прошлом обвиняли даже в покушении на императора Хирохито, совсем нетипичен для японского общества 1930-х – 1940-х гг. Сколько-нибудь заметной оппозиции режиму не было, и одновременно не было мас-

штабных политических репрессий внутри страны. Поэтому конфликт вокруг прошлого, в основном, сейчас разворачивается не внутри страны – как уже было сказано, вопрос об ответственности общества за произошедшее не поднимается – а за ее пределами. С конца XIX века Япония строила свою колониальную империю, последовательно превращая в сферу своего влияния острова Рюкю, остров Тайвань, Корею и Маньчжурию. Завоевательные войны проводились под лозунгом построения «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» *(Дайтоа кёэйкэн)*, и с населением будущих колоний японская армия не церемонилась: считалось, что это варвары, находящиеся на низшей ступени развития, с которыми вполне допускалось обращаться не как с людьми.

Эпизод, которые чаще всего вызывают возмущение со стороны граждан Кореи и Китая и правительств этих стран (которые используют это в своих политических интересах) – это Нанкинская резня. В декабре 1937 – январе 1938 года японские военные заняли город Нанкин, столицу Китайской республики, и учинили массовые убийства и изнасилования гражданского населения. Количество жертв точно не установлено и оценивается от 200 до 300 тыс. человек.

Основные виновники Нанкинской резни были приговорены к смерти в 1948 г. Токийским трибуналом и Нанкинским трибуналом по военным преступлениям. В 1995 г. премьер-министр Японии Томиити Мураяма и император Акихито впервые выразили соболезнования народам Азии в связи с действиями Японии во время Второй мировой войны. Но при этом Нанкинская резня остается камнем преткновения в японо-китайских отношениях. В экспозиции музея при храме Ясукуни, посвященного памяти всех павших японских воинов, говорится, что японские солдаты получили план города с обозначенными на нем зонами, «безопасными для гражданских лиц», и лишь переодетые китайские солдаты встречались с «суровым отношением». Японские историки-ревизионисты, сочувствующие ультраправым взглядам, обычно не отрицают факт массовых убийств полностью, но любят рассуждать о количестве жертв (наименьшая оценка, которую предлагают некоторые из них – 10 тыс. человек). Еще

Мемориальный зал жертв Нанкинской резни в Нанкине, Китай.

меньше согласия вызывает тема изнасилований женщин в Нанкине: сексуальное насилие и безопасность женщин остаются табуированным сюжетом во многих странах и часто упоминаются только в статьях исследовательниц, работающих в парадигме гендерных исследований, которые сами по себе еще остаются отчасти непризнанными в мейнстриме академической науки.

Можно сказать, что ситуация с памятью о японской агрессии в Восточной Азии и о Второй мировой войне вообще в Японии пока развивается не слишком удачно: в обществе нет заметного интереса ни к осмыслению трагического опыта японского колониализма, ни к вопросу о причинах и ответственности – притом, что мировая наука предлагает способы осмысления травматических сюжетов. При этом подобные темы регулярно всплывают в заявлениях политиков с обеих сторон, провоцируя искусственные и внешние для японского общества решения в области мемориальной политики, модификации школьных учебников истории и символических действий вместо широкой общественной дискуссии, которая могла бы стать основой для выработки ценностных норм, основанных на неприятии дискриминации, насилия и милитаризма.

- Japan hotel won't remove books that deny Nanjing Massacre during Olympics // Reuters

Литература по теме

- Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Нитхаммер Л. Вопросы немецкой памяти. Статьи по русской истории. М.: Новое издательство, 2012.
- The Nanking Massacre Project: A Digital Archive of Documents & Photographs from American Missionaries Who Witnessed the Rape of Nanking
- Chang I. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Book, 1997.
- Бондаренко С. «Голая армия императора идет вперед», рецензия // Уроки истории
- Хонда Рютаро. Из Японии в Сибирь и обратно: путь к себе // Япония: путь кисти и меча. 2004. №3. С. 18–28.
- Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Sapporo: Hokkaido University, 2016.

Л.С. Холкина
научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС, канд. фил. н., PhD

WannaCry, Гугл-переводчик и китайский язык: взгляд лингвиста

12 мая 2017 началась масштабная кибератака WannaCry, затронувшая более 500 тысяч компьютеров в 150 странах. Вредоносная программа проникала в компьютер без каких-либо специальных действий со стороны пользователя (не требовалось ни скачать файл, ни нажать на ссылку), шифровала файлы и выдавала сообщение с требованием выкупа в 300 или 600 долларов США в биткойновом эквиваленте для разблокировки данных. Наибольшее число попыток заражений наблюдалось в России, Украине, Индии и на Тайване. Общий ущерб от хакерской атаки составил один миллиард долларов. Президент компании Microsoft Брэд Смит заявил, что вирус-вымогатель WannaCry использовал уязвимости, которые украли у Агентства национальной безопасности США[1]. О краже было сообщено ранее, и 14 марта Microsoft выпустил обновление, которое должно было защитить пользователей, так что заражению подверглись лишь те компьютеры, на которых не было своевременно установлено обновление.

На данный момент доподлинно неизвестно, на ком лежит ответственность за происшедшее. Так, специалисты компании Symantec и «Лаборатории Касперского» на основе анализа кода вируса предположили, что с большой долей вероятности шифровальщика создали северокорейские хакеры из группировки Lazarus. Однако эксперты американской компании Flashpoint[2] по результатам лингвистического анализа сообщений с требованием выкупа пришли к выводу, что к вредоносной программе имеет отношение носитель китайского языка, причем его южных диалектов. По их мнению, создателями программы, скорее всего, являются жители южных районов Китая (включая Гонконг), Тайваня или Сингапура.

Конечно, весьма велика вероятность, что «следы» как в коде, так и в вымогательском послании оставлены специально, чтобы замаскировать истинных авторов вируса и направить расследование по ложному пути. Тем не менее, языковой анализ сообщения, которое появлялось на экранах зараженных компьютеров, вызывает интерес, и заслуживает экспертного лингвистического комментария.

Основанием для вывода о китайском авторстве стал тот факт, что из двадцати восьми текстов на разных языках (если говорить точнее, то языков двадцать семь: в предлагаемой статистике запись китайского языка полными и упрощенными иероглифами подсчитана за отдельные языки) только два текста порождены самостоя-

[1] https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2017/05/14/need-urgent-collective-action-keep-people-safe-online-lessons-last-weeks-cyberattack/#sm.0001v6c99l7wgfn5pyh16rnetpddv.
[2] https://www.flashpoint-intel.com/blog/linguistic-analysis-wannacry-ransomware/.

тельно — китайский и английский. Все остальные переведены с английского с помощью Google Translate: при автоматическом переводе английской версии вымогательского сообщения на другие языки процент совпадений с реальными сообщениями, которые отображает WannaCry, составляет от 96% до 100%.

Например, текст на русском в обоих случаях начинается следующим образом:

Сообщение вируса WannaCry на английском языке.

Что случилось с моим компьютером?

Ваши файлы зашифрованы.

Многие из ваших документов, фотографий, видео, баз данных и других файлов больше недоступны, поскольку они были зашифрованы. Возможно, вы заняты поиском способа восстановления ваших данных, но не тратьте свое время. Никто не сможет восстановить ваши файлы без нашей службы дешифрования.

Поскольку текст в целом достаточно прост и стереотипичен, Google Translate выдает в целом качественную русскоязычную версию; в других версиях, тем не менее, регулярно встречаются отдельные языковые ошибки, включая даже само исходное английское сообщение, которое послужило основой для создания версий еще на 25 языках — например, в нем встречается фраза ‘but you have not so enough time’, что позволяет предположить, что английский язык не является родным для составителей.

Наиболее развернутым и понятным из всех оказывается китайский текст. Так, в нем встречаются высказывания и подробности, опущенные в версиях на других языках:

- «это (шифрование документов) принципиально отличается от их повреждения»
- «даже появление Господа (не поможет восстановить эти файлы)»
- «пожалуйста, не переживайте, мы ни в коем случае вас не обманем»
- «верно ли, что можно в любое время заплатить фиксированную сумму для восстановления файлов? конечно, нет, чем дольше вы откладываете платеж, это вам невыгодно»
- «кстати, забыли вам сказать, для бедных людей, которые в течение полугода или дольше не смогут произвести оплату, состоятся акции по бесплатному восстановлению данных; дойдет ли до вас, зависит от вашей удачливости» (*более полное*

и понятное сообщение, чем русское «у нас будут бесплатные мероприятия для пользователей, которые настолько бедны, что не могут заплатить за 6 месяцев») и др.

Разбиение на строки в китайском тексте также отличается от английского (и, соответственно, от всех остальных).

Еще один момент, на который обращают внимание эксперты Flashpoint: подтверждением того, что текст был введен на китайском, а не получен с помощью машинного перевода является опечатка в слове «помощь» — 帮组 bāngzǔ вместо 帮助 bāngzhù. Такая опечатка могла получиться только в результате ошибки при ручном вводе — машинный перевод породить ее не может по причине отсутствия сочетания 帮组 bāngzǔ в словаре.

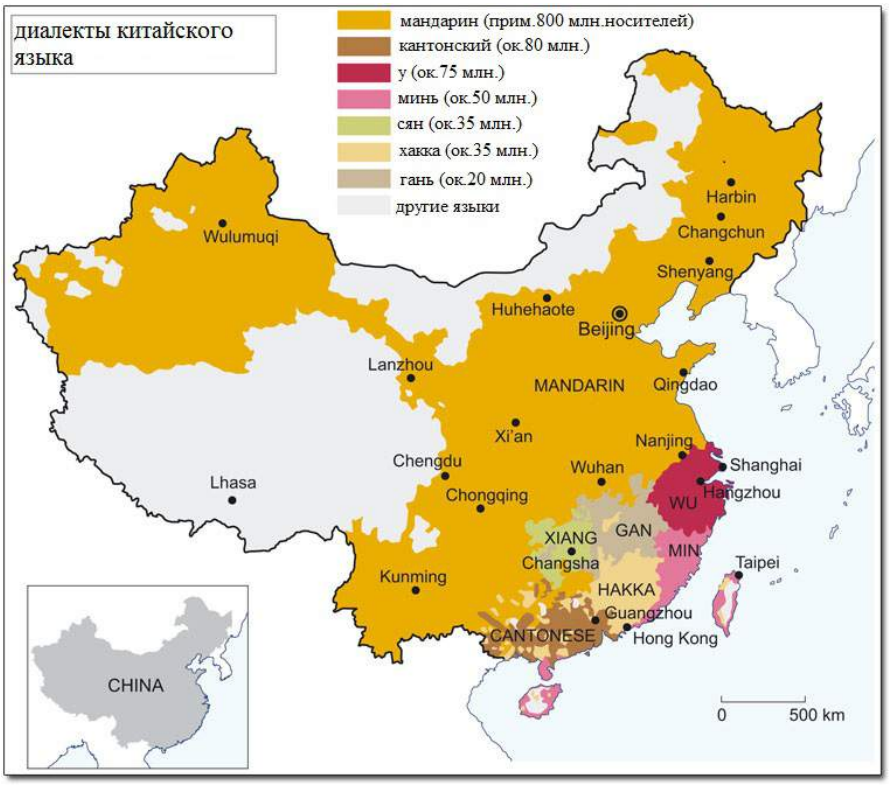
Собственно, эта опечатка, свидетельствующая о том, что в родном диалекте автора не различаются альвеолярные согласные z-c-s и ретрофлексные zh-ch-sh, а также употребление в значении «неделя» слова 礼拜 lǐbài вместо 星期 xīngqī или 周 zhōu, характерное, по мнению авторов, для южных регионов, и привели аналитиков к выводу о том, что автор является выходцем из южных провинций Китая, Гонконга, Тайваня или Сингапура.

Однако есть и некоторые дополнительные подробности, ускользнувшие от внимания американских аналитиков. Так, при сравнении версий, записанных традиционными и упрощенными иероглифами, можно прийти к выводу, что запись упрощенными иероглифами является первичной. На это указывает ошибка в иероглифике при написании сочетания «с понедельника по пятницу»: 周一到週五 zhōuyī dào zhōuwǔ вместо 週一到週五 zhōuyī dào zhōuwǔ. Компонент 週 zhōu, имеющий здесь значение «неделя», в словах «понедельник» (дословно: ‘первый день недели’) и «пятница» (‘пятый день недели’) записан по-разному. В традиционной иероглифике 周 zhōu и 週 zhōu употребляются в разных сочетаниях, а в упрощенной иероглифике в обоих случаях используется 周 zhōu. Такая ошибка указывает на то, что текст в традиционной записи, вероятнее всего, получен методом преобразования упрощенных иероглифов в сложные. Соответствующая функция встроена в китайский MS Word, а также широко

Сообщение вируса WannaCry на китайском языке.

доступна онлайн. Если это предположение верно, то география поиска сужается до южного Китая и Сингапура, так как в Гонконге и на Тайване используется традиционная иероглифика.

Дополнительный аргумент в пользу того, что ввод текста был осуществлен не на Тайване, приводится в комментариях авторитетного лингвистического блога Language Log[3]. На Тайване для ввода иероглифики обычно используют т. н. графическую систему бопомофо, а получить ошибку zhu (> zu) при вводе с помощью пиньинь гораздо легче, чем ㄓㄨˋ (> ㄗㄨˇ) при вводе через бопомофо.



Перейдем к рассмотрению собственно текста послания. В своем исследовании аналитики Flashpoint вскользь упоминают о том, что в китайском тексте также есть «незначительная ошибка», которая может быть списана на автозаполнение или получиться при выполнении операции «вырезать–вставить». Между тем, если отнестись к тексту сообщения с достаточной строгостью, ошибок в нем несколько, и все они указывают на недостаточное владение нормативным китайским языком путунхуа:

- 推迟付款时间越长对你不利 tuīchí fùkuǎn shíjiān yuè cháng duì nǐ búlì «чем дольше вы откладываете платеж, это вам невыгодно». Употребление 越 yuè подразумевает сочетание: 越 yuè, 越 yuè «чем..., тем...», в нормативном языке 越 yuè не может самостоятельно передавать это значение.
- 付款点费用 fùkuǎn diǎn fèiyòng «выплатить (деньги) немного денежных средств». 付款 fùkuǎn «выплатить (деньги)» — непереходный глагол, и он не может принимать после себя дополнение 费用 fèiyòng «издержки, денежные средства». Дословно 付款 fùkuǎn переводится как «заплатить деньги», то есть этот глагол уже имеет дополнение в своей структуре. Правильным вариантом было бы 付点费用 fù diǎn fèiyòng с односложным переходным глаголом 付 fù «платить».

[3] http://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=32886.

◦ 有没有恢复这些文档的方法 Yǒu méi yǒu huīfù zhè xiē wéndàng de fāngfǎ «Есть ли способ восстановления этих документов?» 当然有可恢复的方法 Dāngrán yǒu kě huīfù de fāngfǎ. «Конечно, есть способ возможного восстановления». Здесь в ответе произошло слияние двух моделей: 可恢复 kě huīfù «возможно восстановить, восстановимый» и 恢复的方法 huīfù de fāngfǎ «способ восстановления», то есть 可 kě является лишним. Эта погрешность менее серьезная, чем две предыдущие.

Кроме того, в послании путаются местоимения — для обращения к адресату автор использует то уважительное «Вы» 您 nín, то «ты, Вы» 你 nǐ. О себе он тоже говорит то в единственном 我 wǒ «я», то во множественном числе 我们 wǒmen «мы».

Все это говорит о невысоком уровне языкового образования, даже о недостаточном уровне владения языком. Некоторые из опрошенных нами носителей высказывали предположение, что и этот текст получен с помощью машинного перевода — вышеупомянутые шероховатости и ошибки кажутся им неприемлемыми. Конечно, с этим трудно согласиться — помимо выводов аналитиков Flashpoint, на «человеческое», а не «машинное» происхождение текста указывают и некоторые характерные фразы, например:

Автоматический перевод в действии: «Пожалуйста, ожидайте за линией, (отмечающей один метр [до зоны контроля])» => «Пожалуйста, ожидайте за рисовой лапшой». Слово 米 имеет значения «метр» и «рис», сочетание 一米线 yì mǐ xiàn «один + метр + линия» истолковано как «(один) + рисовая лапша (букв. рис + полоска)»

◦ 就算老天爷来了 jiù suàn lǎotiānyé lái le «даже появление Господа (не поможет восстановить эти файлы)». Здесь употреблено достаточно колоритное слово 老天爷 lǎotiānyé «владыка неба», при автомати-ческом переводе более ожидаемым был бы вариант 上帝 Shàngdì «Бог» или 主 Zhǔ «Господь».

◦ 以人格担保 yǐ réngé dānbǎo «ручаюсь своим человеческим достоинством, клянусь честью» также является довольно специфическим устойчивым сочетанием, которое вряд ли могло быть сгенерировано автоматическим переводчиком.

Таким образом, более подробный анализ помогает выявить еще две характерные особенности текста вымогательского сообщения — ввод упрощенными иероглифами и ряд грамматических шероховатостей. Это делает вероятной страной происхождения послания Сингапур, где уровень владения китайским снизился после почти повсеместного перехода в школах на английский язык в

1960-х – 1970-х годах. Дополнительным аргументом может служить широкое распространение на Сингапуре английского — второго языка, на котором вымогательское послание было написано человеком.

С лингвистической и общекультурной точки зрения этот инцидент любопытен тем, что в нем очень характерно отражены фундаментальные отличия автоматизированного (пусть даже очень качественного) перевода от создания оригинального текста на родном (или «де-факто» родном) языке. В данном кон-кретном случае мы имеем дело с достаточно шаблонным текстом, отдельные фразы которого качественно обрабатываются самообучающимся переводчиком Гугл-транслейт (см. практически безошибочно сгенерированный текст на русском языке); тем не менее, даже при сохранении общей шаблонности носитель языка вынужденно использует слова и конструкции, свойственные как его индивидуальному идиолекту (даже если этот идиолект обладает признаками письменного литературного языка, значительно отличающегося от разговорного), так и диалекту / диалектной группе, к которой он относится.

Мы не знаем, стояла ли перед автором текста задача так или иначе замаскировать языковой первоисточник или нет. Однако можно уверенно сказать, что если она стояла — точнее, если автор текста, полагаясь на мощность автоматического переводчика, считал, что надежно вычислить язык оригинала не удастся — то с этой задачей он, конечно, не справился: единственно возможным способом в этом случае было бы воспользоваться обратным переводом с английского (или любого другого языка) на китайский. Скорее всего, учитывая появление в тексте целых фраз, остающихся без английских эквивалентов, злоумышленник не особенно стремился к (лингвистической) анонимности; с другой стороны, не исключен и элемент халатности, свойственный людям без лингвистического чутья, нередко склонным преувеличивать возможности современного машинного перевода. (В этой связи нельзя не вспомнить о много-численных курьезах автоматического перевода объявлений, надписей, лейблов и т. п., служащих неисчерпаемым источником Интернет-юмора —

Автоматический перевод в действии: «Соленая свиная рулька по-немецки» => «Немецкие сексуальные домогательства». Сочетание 咸猪手 xián zhū shǒu «соленый + свинья + рука» имеет в некоторых диалектах жаргонное значение “распускающий руки (по отношению к женщинам)»

возможно, неслучаен тот факт, что в огромном большинстве случаев это оказываются переводы именно с китайского, а не какого-либо другого языка).

- Эксперты назвали возможных создателей вируса WannaCry // rbc.ru

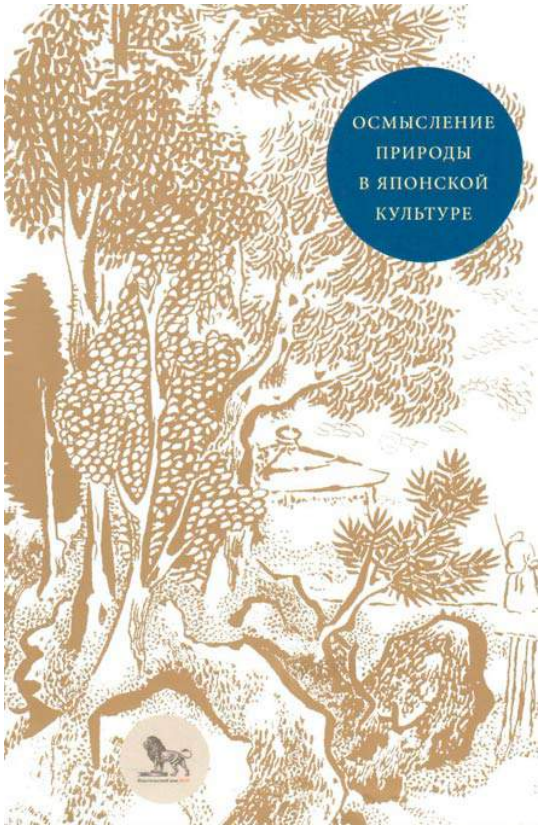
Литература по теме

- Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996.
- Sze-Wing Tang, Sui-Pong Cheng. Hong Kong: Language Situation // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics. Brill, 2017. Vol. II. P. 391–394.
- Lim L. Singapore: Language Situation. // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics. Brill: Leiden, Boston, 2017. vol. IV, pp. 102–107.
- Kloeter H. Taiwan: Language Situation // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics. Brill, 2017. Vol. IV. P. 263–267.

Актуальные публикации Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

В 2017 году в издательском доме «Дело» РАНХиГС при участии сотрудников Лаборатории востоковедения и компаративистики вышла книга:

Осмысление природы в японской культуре. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017



Осмысление среды обитания в историческом ракурсе является важнейшей характеристикой той или иной культуры. авторы настоящего сборника анализируют различные аспекты осмысления природы в Японии. анализу подвергаются религиозная мысль, поэзия, моделирование природы в садовом искусстве, кино, динамика восприятия природной семантики, отношение к лесу в современной Японии и России. Для всех, кто интересуется культурой Японии.

Редакторы: Г.С. Старостин, О.И. Лебедева
vostlab.bulletin@gmail.com

Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС
shagi.ranepa.ru/lab/vostokovedenie